

Испугались «зеленых»?

Предварительные уроки «Зеленой угрозы»

Данная статья переведена для брошюры по активистской культуре безопасности, готовящейся к публикации московской группой «Анархического черного креста».

Оригинал статьи: CrimethInc. Ex-Workers' Collective «Green Scared? Preliminary Lessons of the Green Scare» <http://crimethinc.com/texts/recentfeatures/greenscared.php>

Для тех, кто не в курсе...

В конце 2005 года ФБР начало новую фазу наступления на движения освобождения земли и животных. Наступление началось с арестов ряда действующих и бывших активистов и предъявления им обвинений. Эта атака, названная операция «Встречный огонь», была призвана осудить виновных в ряде нераскрытых поджогов, совершенных ELF (Фронтом освобождения Земли) за прошедшие 10 лет. Из тех людей, кого вызвали в суд и кому предъявили обвинения, восемь, в конечном счете, согласились сотрудничать с правительством и предоставили информацию о других активистах в надежде заслужить снисхождение суда: Станислас Мейерхоф, Кевин Таббс, Челси Доун Герлах, Сьюзан Савой, Кэндал Танкерсли, Дженифер Колар, Лэйси Филбаум и Даррен Тёрстон. Четверо пережили год запугиваний, когда всем казалось, что их, наверняка, посадят на десятилетия, пока им ни удалось прийти к соглашению о признании ответственности за свои акции, при этом, не предоставляя информации о других: Дэниел МакГован, Джонатан Пол, «Иксайт» (англ. «Exile», он же Натан Блок) и Сэйди (она же Джоана Зэйчер). В то время как пишутся эти строки, идет суд над Брайаной Уотерс, а Джозефу Диби, Джозефине Оуверэйкер, Ребекке

Рубин и Джастину Солондзу были предъявлены обвинения, но их не нашли. Еще один обвиняемый, Уильям Роджерс (он же «Авалон»), вскоре после своего ареста трагически ушел из жизни, находясь под стражей, якобы покончив жизнь самоубийством.

За началом операции «Встречный огонь», больше известной как «Зеленая угроза»¹, последовало беспрецедентное увеличение размаха правительственных репрессий против активистов анархо-экологов. Давний активист освобождения животных Род Коронадо был обвинен в тяжком уголовном преступлении за ответ на вопрос во время своего публичного выступления, с перспективой провести несколько десятков лет в тюрьме. Шесть активистов-зоозащитников из группы SHAC [Stop Huntington Animal Cruelty – «Остановите жестокость над животными в Хантингтоне», кампания против корпорации, проводящей эксперименты над животными «Huntington Life Sciences» – прим. пер.] приговорены к нескольким годам тюрьмы по существу всего лишь за организацию веб-сайта. Освободитель животных Питер Янг, несколько лет скрывавшийся от ФБР, был схвачен, и ему грозит вторичное привлечение к уголовной ответственности за то же преступление².

Тре Эрроу, известный тем, что выжил после падения со 100-футовой высоты, спасаясь от полиции и лесорубов, выселявших его из захваченных деревьев, боролся против решения о своей экстрадиции из Канады в США по обвинению в поджогах. Множество других людей предстало перед Большими жюри³, и некоторые получили реальные сроки за отказ сотрудничать. Пожалуй, наиболее зловещий случай – это арест по обвинению в заговоре трех молодых людей, подставленных агентом-

¹ «Зеленая угроза» (англ. Green Scare) – правительственная кампания преследований участников радикальных экологических и зоозащитных движений в США в середине 2000-х (главным образом, участников Фронта освобождения животных и Фронта освобождения Земли), получившая название по аналогии с «Красной угрозой». Англ. Red Scare – правительственная кампания репрессий в США по отношению к коммунистам и людям, придерживающимся левых взглядов. Выделяют два основных периода «Красной угрозы»: 1918-1920 гг. – репрессии по отношению к активизировавшему после Октябрьской революции рабочему движению; самый известный эпизод – «рейды Палмера» – массовые полицейские облавы граждан, придерживающихся левых взглядов, организованные министром юстиции Палмером. Второй период политической реакции в США – так называемая эпоха маккартизма (1950-1954 гг.), названная по имени председателя сенатского подкомитета по расследованиям Джозефа Маккарти. – прим. пер. См. подробнее: <http://greenscare.org/>.

² После публикации данной статьи состоялись суды над Тре Эрроу и Брайаной Уотерс, и они получили длительные тюремные сроки, но от новых обвинений против Питера Янга отказались. – прим. пер.

³ Большие жюри – в США присяжные, решающие вопрос о предании суду и предъявлении официального обвинения. Большие жюри – это органы не судебной власти, а следствия для сбора доказательств. Особенности Больших жюри в том, что перед ними пункты конституции, которые защищают от дачи показаний против себя и близких, не действуют, перед Большими жюри обязательно отвечать на все вопросы. За отказ от сотрудничества можно попасть в тюрьму на время действия Большого жюри, что на практике означает заранее неопределенные периоды последовательных тюремных сроков по полугоду каждый. – прим. пер.

В теории, задачей Большого жюри является рассмотрение законности и обоснованности обвинений перед судебным разбирательством, но на практике Большое жюри используется для принуждения людей давать показания: предоставляя личную неприкосновенность касательно особого случая, Большое жюри может принудить его или ее отвечать на вопросы, иначе отправление в тюрьму за неуважение к суду.

провокатором. Эти трое даже ничего не сделали. Двое из них, Захарий Дженсон и Лоурен Винер, признали свою вину и стали правительственными информаторами; третий, Эрик МакДэвид, получивший опасные для жизни осложнения здоровья вследствие отказа тюремщиков предоставить ему веганскую пищу, некоторое время назад был признан виновным и теперь ожидает вынесения приговора.

Похоже, что эта фаза «Зеленой угрозы» подходит к концу. Большинство из тех, кто был арестован в ходе операции «Встречный огонь», отбывают свои сроки. Первый из обвиняемых дела SHAC освобожден из тюрьмы (отбыв 85% срока). Питер Янг вот уже год как освобожден из-под стражи и сейчас ездит, выступая с лекциями. Суд над Родом Коронадо закончился ничем (присяжные не смогли разрешить противоречия между федеральным законом 18 USC § 842 (p)(2)(A) и первой поправкой к конституции США⁴). В конечном счете, Роду пришлось признать себя виновным в обмен на небольшой тюремный срок, после того как правительство пригрозило ему новыми обвинениями. Прошло уже несколько месяцев с последнего громкого уголовного процесса против активиста-защитника окружающей среды, хотя агенты федеральной службы продолжают сновать на Среднем Западе. Наступила пора извлечь пользу из уроков прошедших двух лет правительственных репрессий с тем, чтобы следующее поколение активистов было подготовленным, когда оно займет свое место в борьбе в защиту жизни на земле.

Различая мнимые и действительные угрозы

В некоторых анархистских кругах первоначальный размах «Зеленой угрозы» вызвал панику, сравнимую с реакцией на атаки 11 сентября. Конечно же, именно этого и добивалось правительство: отдельной задачей, помимо привлечения к «правосудию» отдельных активистов, было запугать всех, кто считает прямое действие наиболее эффективным средством достижения социальных перемен. Вместо того, чтобы помогать правительству, делая преувеличенные предположения о том, как опасно сегодня быть анархистом, мы должны проанализировать, что эти случаи говорят нам о нынешних возможностях и пределах правительственных репрессий.

Задача этого исследования – не защита или акцент на какой-то определенной тактике или подходе. Не стоит бездумно восхвалять незаконную деятельность – важно отметить, что даже наиболее упертые в своем нежелании сотрудничать со

⁴ Первая поправка к Конституции США (ратифицированная 15 декабря 1791 г.) гарантирует гражданские свободы. – прим. пер.

следствием, выразили сожаление о выборе средств борьбы. Правда, об этом следует помнить в контексте судебного преследования против этих людей.

В то же время федеральное преследование влияет на всех участников сопротивления, а не только на тех, кто участвует в нелегальных акциях прямого действия; «Зеленая угроза» предлагает к изучению случаи из жизненной ситуации, в которой все мы оказались, нравится вам это или нет.

Изучение конкретного случая репрессий: г. Юджин, штат Орегон

Операция «Встречный огонь» стартовала на фоне правительственных расследований, преследований и профилирования предположительных анархистов на северо-востоке тихоокеанского побережья США. В свете этого, не является удивительным тот факт, что Юджин, штат Орегон, стал главным пунктом в операции «Встречный огонь», поскольку вот уже полтора десятилетия регион является очагом инакомыслия и радикализма, хотя репрессии и другие проблемы и сказались на движении в последние годы. Мы не можем предложить точный анализ внутренней динамики анархистского сообщества в Юджине, но можем проследить, как власти проводили репрессии против него.

Полезным ресурсом для данного исследования является статья «Анархистские акции прямого действия: вызов для правоохранительных органов», которая появилась в журнале «Исследования конфликтов и терроризма» в 2005 году⁵. Авторы статьи – Рэнди Борум из университета Южной Флориды и Чак Тилби из полицейского управления Юджина. По словам Джеффа («Фри») Льюэrsa⁶, Тилби был одним из копов, осуществлявших наблюдение за ним и еще одним обвиняемым по делу Льюэrsa, Критером, в ночь их ареста в июне 2000 года. Тилби предоставил описания «анархиста-преступника» группам сил правопорядка и, в конечном счете, оказался связан с делами, проходящими в рамках операции «Встречный огонь», вплоть до того, что делал заявления СМИ и предоставил слова для цитирования в пресс-релизе ФБР в конце федерального расследования в Орегоне.

⁵ См.: http://chuck.mahost.org/weblog/anarchist_direct_actions.pdf

⁶ Jeffrey «Free» Luers – анархист, активист «Движения в защиту лесов». В июне 2000 года 22-летний Джеффри Льюэрс был арестован за поджог 3 грузовиков агентства по продаже автомобилей в г. Юджин, штат Орегон. Причиной данной акции послужило желание привлечь внимание к проблеме всемирного потепления и роли внедорожников и грузовиков в этом процессе. Он и его друг Критер подожгли на стоянке фирмы «Романия Шевроле» три автомобиля категории «городской джип», значительно загрязняющих окружающую среду. Джеффри был обвинен также в попытке поджога хранилища компании «Тайри Ойл Компании». На основании косвенных улик осужден на 22 с половиной года, что является беспрецедентно жестоким наказанием за подобные действия, расцениваемые обычно как вандализм. Сайт поддержки: www.freefreenow.org. – прим. пер.

На удивление в статье не упоминается ни Юджин, ни сам Орегон. Помимо имен авторов в начале статьи нет никакого намека на то, что документ написан с оглядкой на Юджин. В то же время статья дает нам несколько важных подсказок о том, как правительство повело себя по отношению к обвиняемым из Орегона и их предположительным сторонникам.

Авторы заостряют внимание на важности разведки и внедренных информаторов в деле репрессий против преступных «анархистов», в то же время признавая сложности, связанные с подобной деятельностью. В случае с людьми, представшими перед судами присяжных, анархисты все время отказываются сотрудничать, в то же время на свободе организуются группы моральной поддержки обвиняемых; самым недавним примером является случай с Джеффом Хоггом, который был вызван в суд присяжных в самый разгар дел по операции «Встречный огонь» и провел почти шесть месяцев в тюрьме в 2006 году. Авторы предупреждают, что «следователям и офицерам правоохранительных органов следует быть особо внимательными при общении с подследственным с тем, чтобы не предоставить им больше информации о деле (посредством вопросов), чем следует из их признательных показаний». В самом деле, вопросы, которые задавал суд присяжных, неоднократно появлялись на страницах журнала «Earth First!», который определенное время редактировался из Юджина. Очень важно поддерживать людей, находящихся под следствием и внимательно следить за усилиями следователей. Некоторые считают, что расследования в рамках операции «Встречный огонь» обрели свою силу именно после того, как поддержка в Орегоне стала затухать.

В том, что касается инфильтрации, в статье «Анархические акции прямого действия» сообщается следующее: «Инфильтрация осложняется совместным образом жизни анархистов как сообщества (они все время на виду и под пристальным наблюдением) и обширными знаниями, демонстрируемыми многими анархистами, на овладение которыми может уйти очень много времени и сил. Был исследован ряд потенциально возможных стратегий инфильтрации, но ни одна не оказалась успешной. Обсуждение подобных методов в открытой печати нежелательно».

Насколько мы знаем, на начальном этапе операция «Встречный огонь» основывалась на стратегии общего мониторинга и внедрения. В то время как следователи использовали все более и более филигранные инструменты и стратегии, по мере того, как расследование набирало ход (например, подсылка к определенным активистам «сотрудничающих свидетелей» с микрофонами под одеждой), начали они с просеивания участников всех контркультурных течений в регионе. Дома активистов

и панков, места встреч, например, бары, были поставлены под постоянное наблюдение. Употребляющим алкоголь анархистам следует помнить, что алкоголь развязывает язык. Целями внедренных агентов и информаторов были не только наиболее явно действующие анархисты, но и «богемная» часть, обитающая в тех же культурных и социальных сферах. Полиция получила огромное количество информации, несмотря на то, что попытки агентов проникнуть в группы планирования акций прямого действия провалились. Примерно 30000 страниц отчетов по орегонским делам содержат огромное количество слухов и биографической информации по порядочному количеству людей из сообщества Юджина.

Похожая методика профилирования, по всей видимости, использовалась в соседнем Портленде, штат Орегон. Например, в марте 2001 года был проведен широкомасштабный полицейский рейд на домашнюю вечеринку, на которой среди гостей были портлендские панк-рокеры. Гости отфотографировали и расспросили про ELF/ALF. Некоторых арестовали и обвинили в похищении и нападении на офицера – обычная практика полиции, призванная заставить активиста пойти на сделку со следствием о признании вины. Выступления в суде людей, попавших под следствие в результате рейда, было отснято на пленку офицерами полиции. Позднее было установлено, что они служат в Отделе по борьбе с организованной преступностью. Вследствие этого рейда копы начали систематическое преследование панков на улицах, требуя от них объяснений касаясь того, являются ли панки анархистами или нет.

Оглядываясь назад, создается ощущение, что все эти усилия были направлены вовсе не на запугивание портлендских панков, но на поиск информации по анархистским и ALF/ELF делам, находящимся в разработке⁷. Возможно, это было ошибочным решением в расследовании операции «Встречный огонь», сейчас трудно сказать наверняка. Тем не менее, нам известно, что подходы государства к решению подобных задач на основе модели «широкая сетка» могут быть эффективны в удушении социально сознательных субкультур, даже если и не обнаружено реальных связей с радикальными действиями. К счастью, люди в Портленде, против которых был направлен упомянутый рейд, объединились, стали помогать друг другу, чтобы свести к минимуму нанесенный вред, и воспользовались ситуацией для привлечения общественного внимания к действиям полиции.

⁷ Больше информации об этом случае в Портленде см. статью: Kristian Williams «The Criminalization of Anarchism, Part Two: Guilt by Association, Questionable Confessions and Mandatory Minimums», перепечатанную в его книге «Confrontations: Selected Journalism by Tarantula Publications».

Еще одним предметом для предположений является степень участия государства в разжигании конфликтов внутри радикальных кругов Юджина. Это было обычной тактикой времен **COINTELPRO** (Counter Intelligence Program – программа контрразведки)⁸, и, скорее всего, она до сих пор используется. Борум и Тилби намекают на это в последней части своего труда, «Стратегии и их применение в правоохранной деятельности»: «Внутренние конфликты – еще один важный источник уязвимости внутри движения. Вопрос многообразия тактик был освещен выше, однако стоит добавить, что движение борется с предположительно недостаточным наделением властью женщин и с недостаточным участием этнических меньшинств. Конфликты, подобные этим, случались тридцать лет назад в левом революционном движении на территории США».

В умах людей, знакомых с радикальными кругами в Юджине, это рисует картины напряженных конфликтов на тему гендера и феминизма внутри сообщества. Нет однозначных свидетельств того, что правительственные оперативники были вовлечены в эскалацию этих споров, поэтому не стоит делать поспешных выводов; подобные умозрительные построения только помогают государству в распространении паранойи. Тем не менее, правоохранительные структуры местного и федерального уровня, безусловно, знали об уязвимостях в Юджине, проявляющихся, когда реальная полемика превращается в групповое мышление и фракционизм. Тилби и его помощники, должно быть, использовали эти сведения при разработке стратегий противодействия анархистам. К тому времени, когда Большие жюри [присяжные, решающие вопрос о предании суду – прим. пер.] начали свою работу по делам из Юджина, многие из тех, кто мог бы объединиться для отпора репрессиям, уже не разговаривали друг с другом. Хоть это и не оправдывает недостаток единства, продемонстрированный теми, кто решил сотрудничать с судами, данный факт важен

⁸ Программа операций против «подрывной деятельности» и контрразведывательных операций, осуществлявшаяся ФБР в 1956-1971 гг. Было проведено более 2000 операций, в том числе против Коммунистической партии (1956 г.), Социалистической рабочей партии (1961 г.), «Черных пантер» (1967 г.), «новых левых» (1968 г.). Суть многих операций сводилась к использованию методов, способных внести раскол в ряды указанных организаций. – прим. пер.

Официально контрразведывательная программа ФБР (COINTELPRO) существовала с 1956 по 1971 год, но, возможно, в какой-то форме продолжается и по сей день. Имея своей целью «разоблачать, подрывать, запутывать, дискредитировать или другими способами нейтрализовать» деятельность групп вроде «Партии Черных Пантер», программа использовала огромное разнообразие грязных приемов. Они обыскивали дома и офисы, выкрадывали документы без каких-либо ордеров; они распространяли слухи, чтобы спровоцировать недоверие или даже насилие между разными организациями или их частями; они пытались запугать лидеров групп через суды или даже фабрикуя обвинения в преступлениях, которых те никогда не совершали; они засылали агентов и провокаторов в среду своих мишеней; они, по сути, вели психологическую войну и использовали вопиющее насилие. Программа была, в конечном счете, разоблачена, когда радикалы вломились в офис ФБР и захватили документы, имеющие отношение к секретной программе, и распространили их через различные источники под именем «Комиссия граждан по расследованию ФБР».

как описание контекста, в котором не удалось создать эффективного сопротивления судам.

Борум и Тилби заканчивают свою статью призывом к следователям проявлять «терпение и усердие» – действительно, эти добродетели сполна проявились в операции «Встречный огонь». Не стоит рассматривать это как поддержку представлений «От ФБР не уйти». Расследование кишмя кишело ошибками и неверными решениями; дела по огромным количествам акций так и не будут переданы в суд, так как властям не повезло со временем и не обнаружилось желающих сотрудничать. В то же время следует понимать, что репрессии, как и сопротивление репрессиям, являются долгосрочными проектами, тянущимися в течение лет, даже десятилетий.

Некоторые считают, что одной из значительных зацепок в операции «Встречный огонь» оказался наивный запрос полицейских отчетов в полицейском отделении Юджина. Согласно этой интерпретации, из этого запроса полиция сделала вывод о том, что им следует уделить внимание некоему Якобу Фергюсону; позже Фергюсон стал главным информатором по этим делам. Несколько реже упоминается, что Фергюсон был обвинен полицией в поджоге, которого не совершал! В случае с Фергюсоном, произошло нечто маловероятное и, в конечном счете, власти поняли, что ошиблись. Позже, когда агенты произвели первые аресты и предъявили обвиняемым судам присяжных заседателей 7 декабря 2005 года, двое из обвиняемых были ошибочно признаны принимавшими участие в разрушениях. В конце концов, обвинения были сняты, так как власти добились сотрудничества большего числа информаторов и предприняли шаги для арестов Иксайла и Сэйди.

Расследование не было столь уж непрерывным и динамичным, как хочет представить это правительство, хотя следствие набирало силу по мере того, как одни «втягивали в дело» других. Власти провели годы, топчась на месте, в их действиях проявлялась неуверенность даже тогда, когда расследование уже шло полным ходом – все равно они оставались осторожными и контролировали все свои действия. Радикальное движение подобной сплоченностью не отличалось.

Окинем взглядом радикальную деятельность в Юджине за прошедшее десятилетие. Антикапиталистический бунт 18 июня 1999 года в Юджине вызвал ликвидацию части анархистов, хотя в результате этих событий один из участников провел несколько лет в тюрьме. Участники «Дня действия 18 июня» оказывали сопротивление [полиции] и разьебали ряд символов унижения в городе, к чему копы оказались абсолютно не готовы. Уличные бои в Сиэтле в том же году во время

саммита ВТО только усилили чувство, будто весь мир готов подняться на борьбу. Большинство активистов из анархического движения Юджина никогда не переживали ничего подобного. Несмотря на жалкие требования и мутный анализ большей части официального «анти-глобалистского» движения, в воздухе витало чувство, что глубокие изменения возможны, что за них можно бороться и их можно отстоять. Быть анархистом тогда казалось самым крутым, что только можно было себе представить, это восприятие только усиливалось последовавшим вниманием СМИ. В то время ELF осуществляли поджоги во всем регионе.

Последовала реакция. В июне 2001 года «Free» получил первоначальный срок в 22 года и 8 месяцев. В следующем месяце на улицах Генуи во время протестов против саммита «большой восьмерки» был убит Карло Джулиани. Хоть обе эти трагедии являлись наглядной иллюстрацией риска противостояния капиталистической системе, приговор «Free» особенно сильно ударил по сообществу в Юджине. Атмосфера изменилась. Люди стали уходить из движения, «устраивать свою жизнь» – не обязательно предавая свои ранние убеждения, но смещая акцент, изменяя приоритеты. Этот процесс усилился после 11 сентября, когда повсюду появились американские флаги. Деятельность анархистов не прекратилась, но последовал период относительной дезориентации. Вторжение в Ирак полтора года спустя дало еще одну возможность для мобилизации радикальных сил, но к этому времени сплоченность в Юджине оказалась в прошлом. В то время как сотрудники ФБР и полиция работали дено и ношно.

В операции «Встречный огонь» наиболее значительный прорыв был совершен – хоть все началось как вроде бы неверная гипотеза – как раз накануне вынесения приговора «Free», в период между анархическим ликованием в июне 1999 года и переходом к обороне. Те же самые поджоги, неверно связанные с делом Фергюсона, использовались в качестве предлога для жесткого приговора «Free», что заставило часть анархистов прекратить деятельность под страхом аналогичных приговоров. Попыток переосмысления опыта, извлечения полезных знаний, оттачивания навыков, попыток решения конфликтов в анархистской среде было явно недостаточно. Отступление было ожидаемым. Что бы произошло, если бы расследования в рамках операции «Встречный огонь» продолжались при иных обстоятельствах, на фоне набирающего мощь движения? Это другая история. Ее итог неизвестен.

Оказывая сопротивление

Репрессии будут существовать, пока существуют государства и люди, противостоящие им. Полная неуязвимость невозможна – ни для государства, ни для его противников. Все внедренные агенты и информаторы царской секретной полиции были бессильны предотвратить русскую революцию 1917 года, как и восточногерманские «штази» не смогли защитить «берлинскую стену» от разрушения, хоть у них и были доселе на шесть миллионов человек. Революционная борьба может увенчаться успехом даже перед лицом широкомасштабных репрессий; со своей стороны, мы можем минимизировать эффект от репрессий, подготовившись заранее.

Вот уже много лет анархисты сосредоточены на развитии культуры безопасности, но ограничиться выработкой сознания безопасности в этом деле не достаточно. Есть такие вещи, которых никогда не бывает слишком много: не сплетничайте о важных делах, делитесь «чувствительной» информацией только с теми, кому непосредственно нужно об этом знать⁹, не отказывайтесь от своих прав в случае задержания или ареста, не сотрудничайте с судами, не выдавайте других людей. Человек может следовать всем этим принципам и в то же время совершить критическую ошибку. Если стратегии противодействия репрессиям будут сосредоточены на том, о чем нам не следует говорить, мы теряем из поля зрения необходимость ясной и простой коммуникации для сообществ в борьбе.

Государственный подрыв радикальных движений может быть интерпретирован как вид «вооруженной критики», подобно тому, как кирпич, летящий в окно «Старбакс» – это критика действием. Таким образом, успешное применение силы против нас показывает, что у нас априори существовали какие-то слабые места. Это говорится не для того, чтобы обвинять жертв в ситуации репрессий, но для того, чтобы понять, как и почему попытки дестабилизировать нашу деятельность увенчались успехом. Наша реакция не должна начинаться с поддержки арестованных. Конечно, это очень важно, как и долговременная поддержка людей, отбывающих наказания, но наша деятельность должна начинаться задолго до этого. Мы должны устранить те маленькие уязвимости, которыми могут воспользоваться наши враги. Открытое обсуждение проблем (например, навязывание гендерных ролей в номинально радикальных кругах) может предотвратить нездоровые чувства

⁹ Похоже на то, что обвиняемые по делам операции «Встречный огонь» могли бы лучше обеспечивать утечки информации из своих внутренних кругов. Вместо того чтобы организовываться в закрытые, твердые ячейки, обвиняемые, кажется, действовали в более подвижной среде, с таким количеством пересечений, что в случае раскола нескольких основных участников, правительство получило бы информацию обо всех.

презрения и сектантство. Из этого вовсе не следует, что никакой раскол недопустим – зачастую лучшее, что могут сделать люди – это взять и разойтись. Но даже если это необходимо, им следует постараться сохранить чувства взаимного уважения или, по крайней мере, желание общаться тогда, когда это действительно необходимо.

Риск относителен. Иногда действительно стоит залечь на дно; в других случаях привлечение общественного внимания кажется чрезмерно рискованным, хотя на деле самое опасное – как раз отказ от того, чтобы быть на виду, когда сила движения резко спадает. Когда мы думаем о риске, воображение может рисовать камеры видеонаблюдения и тюремные камеры, но существует также множество более коварных угроз. Люди, представшие перед судом в рамках операции «Встречный огонь», получили сроки намного меньшие, нежели ожидалось; как выяснилось, самым большим риском для них оказалось вовсе не тюремное заключение, но отречение от убеждений и предательство – риск слишком реальный. Аналогично можно представить Эрика МакДэвида, ожидающего в данный момент судебного решения по обвинениям в заговоре, в спокойной обстановке обсуждающего факторы риска в гипотетической акции со своими мнимыми друзьями – которые в итоге оказались двумя доносчиками и федеральным агентом-провокатором. К сожалению, по-настоящему рискованными оказались, прежде всего, разговоры с этими людьми.

Готовясь к худшему

Обычная активистская мудрость говорит нам о том, что нельзя смешивать общественную и подпольную деятельность, но дело Дэниэла МакГована противоречит этому утверждению. МакГован оказался на скамье подсудимых вовсе не в результате расследований его публичной активисткой деятельности, но скорее вследствие сотрудничества с Якобом Фергюсоном, который стал осведомителем под давлением полиции. Хотя правительство особенно хотело осудить его за обширную работу по поддержке заключенных и организацию деятельности против Национального съезда республиканской партии, МакГован получил широкую общественную поддержку именно в результате своей публичной деятельности¹⁰. Если бы он занимался исключительно «теневой» деятельностью, возможно, он бы оказался в точно такой же ситуации без той самой поддержки, которая помогла ему успешно

¹⁰ Мы не говорим, что быть на виду всегда хорошо. Внимание СМИ было значительным фактором в конфликтах, раздробивших Юджин. В таких случаях пребывание на виду может разделить сообщество изнутри, создавая ощущение, что у «представителя» больше власти, чем у остальных, что провоцирует зависть и конфликты, вне зависимости от того, отражает ли реальность изображаемое на экране. Жертвами веры в расхваливание себя в СМИ становятся зависимыми от этого внимания, добиваясь прежде всего этого, вместо непосредственных связей и здоровых отношений, необходимых для длительной революционной борьбы. Быть на виду ценнее всего в устойчивых сообществах, а не в спектаклях СМИ. Существуют разумные аргументы для использования СМИ время от времени, но вы должны и осознавать опасности быть использованным ими.

перенести все, что с ним приключилось, причем, за бортом бы остался столь важный вклад в анархистское движение.

Принимая во внимания, сколько лет ушло у ФБР на подготовку операции «Встречный огонь» и значительную роль, которую играли информаторы в значительной части дел «Зеленой угрозы», можно предположить, что существует возможность выйти сухим из воды во многих ситуациях, при условии достаточной осторожности и грамотных решений о том, кому доверять. Заключение по прямым действиям МакГована, включенное в состав доводов обвинения на суде, читается как приключенческий роман. Вчитываясь в страницы заключения, нельзя не подумать – «Ого! За все это – всего семь лет!»

Оборотной стороной медали является тот факт, что, несмотря на все предосторожности, обвиняемые по делу о «Зеленой угрозе» все же оказались пойманы. Независимо от того, насколько вы осторожны или умны, не стоит рассчитывать на то, что вас не поймают; следует быть готовыми к худшему. Те, кто планирует акции прямого действия, сопряженные с риском, должны в первую очередь исходить из предположения о том, что их поймают и предъявят обвинения. Прежде чем что-либо делать, прежде чем даже говорить об этом, следует спросить самих себя, готовы ли вы принять наихудшие из возможных последствий своей деятельности. В то же время, поскольку правительство может выбрать мишенью кого угодно и когда угодно, независимо от того, что данный человек на самом деле сделал, даже наиболее законопослушным активистам (и уж подавно их друзьям и родственникам) следует продумать свое поведение на случай расследования, вызова в суд или предъявления обвинений.

Дела «Зеленой угрозы» ясно показывают, что сотрудничество с государством никогда не может быть в интересах обвиняемого. В среднем, те из обвиняемых по делам операции «Встречный огонь», кто отказался сотрудничать со следствием, получили меньшие сроки относительно тех, которыми им угрожали во время следствия, чем информаторы, несмотря на то, что правительство включило на полную мощность весь репрессивный аппарат Соединенных Штатов, чтобы устроить показательное дело. Иксайлу и Сэйди угрожали более чем тысячей лет в тюрьме каждому, а приговорили меньше, чем к восьми. Если бы каждый арестованный понимал разницу между тем, какие угрозы может озвучивать государство, и тем, что оно фактически может предпринять, гораздо меньше людей сдавалось бы без борьбы.

В правовой системе США судебное разбирательство – это игра «на слабо». Государство делает первый ход, угрожая наитягчайшими последствиями для

обвиняемого, в надежде, запугав его, заставить признать вину и сдать товарищей. Лучше всего, если подсудимый немедленно признает свою вину; это позволяет государству не тратить поистине огромное количество времени и денег, не говоря уже о потенциальной опасности проиграть хорошо освещенное в СМИ дело. Обвиняемым не следует пугаться первоначальных обвинений: зачастую оказывается, что многие из них рассыпаются на глазах и единственная их функция – придать государству больше власти для «торгов» по делу. Даже в том случае, если обвиняемый опасается, что ему самому не на что будет опереться в суде, он может получить вес в этих закулисных властных играх, если государство ясно осознает серьезную вероятность дорогого, сложного и непредсказуемого судебного разбирательства. Добиться этого можно, заручившись помощью лучшего адвоката. В случае же когда подсудимый соглашается сотрудничать, он теряет свой вес, всецело передавая себя в руки таких сил, которым вовсе не свойственна ни малейшая толика сострадания.

Несмотря на то, что все казалось уже предрешенным в делах Сэйди, Иксайла, МакГована и Джонатана Пола в 2006 году, они посмотрели на жизнь с новой надеждой, когда адвокат МакГована затребовал информацию об использовании следователями нелегальных аудиозаписей Агентства национальной безопасности с целью получения доказательств вины подследственных. Правительство не хотело отвечать на этот вопрос, и тому были веские причины: только что отгремел скандал, в центре которого оказалось АНБ, ведущее нелегальное прослушивание. И если бы суд получил сведения о том, что в ходе операции «Встречный огонь» использовались данные, полученные в результате нелегального прослушивания, все дела по операции «Встречный огонь» могли оказаться выкинутыми на помойку. Именно поэтому многие участники подпольной группы «Weather Underground» сейчас являются профессорами, а не заключенными: ФБР так сильно облажалось в тех делах, что суды приняли решение отпустить их.

Независимо от того, насколько безнадежным кажется положение вещей, никогда не недооценивайте ту силу, которой наделяет вас стремление сражаться. До момента капитуляции Станисласа Мейерхоффа и некоторых других, все дело по операции «Встречный огонь» держалось на Якобе Фергюсоне, героинщике и серийном поджигателе. Если бы все, кроме Фергюсона, отказались сотрудничать и вместо этого сообща боролись бы против предъявленных обвинений, нет никаких сомнений, что операция «Встречный огонь» закончилась бы иначе.

Про информаторов

Если все знают, что ни в коем случае нельзя становиться информатором, почему же столь многие, в конечном счете, именно ими и становятся? По крайней мере, одиннадцать видных обвиняемых по делам «Зеленой угрозы» приняли решение сотрудничать с правительством в деле раскапывания доказательств вины бывших товарищей, не считая партнера Питера Янга, который донес на него еще в 1999 году. Все эти люди – опытные активисты, предположительно имевшие возможность годами размышлять о том, как справляться с психологическим давлением на следствии и в суде; люди, которым должно быть известно лучше, чем кому бы то ни было, почему не стоит сотрудничать с государством! Что же мы можем заключить (и можем ли?) из того, что столь многие согласились стать информаторами?

На эту тему было достаточно оппортунистических «теорий» со стороны «экспертов», имевших крайне малое представление об обстоятельствах дела и еще меньший личный опыт. Нам предлагается принять за данное тот факт, что арестованные стали информаторами, потому что были ребятами из привилегированных семей среднего класса. На самом же деле, среди согласившихся сотрудничать и отказавшихся стучать примерно поровну представителей всех полов и классов. Нам говорят, что подсудимые стучали, потому что сражались не за свои интересы. Но если мир без скотобоен и глобального потепления не является чьими-то интересами, то что тогда является? Может быть, более дешевые гамбургеры и кондиционеры? Также был предложен тезис о неизбежности того, что под давлением кто-то в любом случае согласится стать информатором, и, следовательно, не следует винить таких людей, и вместо этого стоит избегать тактик, которые провоцируют расследования и допросы. Последний выпад и вовсе не достоин ответа, разве что стоит заметить: правительству не нужны реально совершенные преступления для того, чтобы начать расследования и допросы. Поддерживаете вы акции прямого действия или нет, недопустимо давать в руки государства средства, с помощью которых оно может нанести вред другим людям.

Опытные радикалы, на которых тоже в свое время стучали, скажут вам, что нет точного рецепта для отделения тех, кто станет информатором от тех, кто им никогда не будет. Почти во всех движениях сопротивления были информаторы, включая Черных Пантер, Армию Черного Освобождения, Движение Американских Индейцев, Пуэрто-риканское движение за независимость; дела «Зеленой угрозы» никак не выделяются на этом фоне, хотя, возможно, некоторые из подсудимых и сломались быстрее, чем их предшественники. Возможно, вся эта шумиха по поводу того, что

столь много эко-активистов стали информаторами, частично вызвана незнанием истории протестных движений.

Если уж что-то и удерживает людей от стукачества друг на друга – это кровные узы. Исторически движения с наименьшим числом доносчиков всегда были те, которые имели прочную опору в сообществах. Арестованные в прошлом году участники движений национального освобождения отказались от сотрудничества с государством, потому что они не смогли бы смотреть в лицо своим родителям или детям, если бы согласились доносить. Точно также, когда гангстеры, вовлеченные в нелегальную капиталистическую деятельность, отказываются стучать, причиной являются последствия стукачества, которые окажут влияние на всю их жизнь, начиная с перспектив карьерного роста на избранном поприще и заканчивая социальным положением в тюрьме и своих жилых кварталах. Чем более крепки узы, связывающие личность с сообществом, тем менее вероятно, что он или она настучит на своих товарищей. В этом отношении североамериканские радикалы, преимущественно белые, всегда оказывались перед сложным выбором, так как большая их часть вовлечена в подобную деятельность вопреки мнению семьи и социального окружения, а не благодаря ему. И когда оказывается, что бывшему активисту светят десятки лет тюремного заключения за что-то, что для него было, по большому счету, хобби, родители просят не выбрасывать жизнь на ветер, а система, с которой он боролся, кажется, уже захватила все его настоящее и будущее, требуется очень сильное чувство правильного и неправильного, чтобы не продаться.

В этом свете перестает казаться удивительным, что практически все активисты, отказавшиеся сотрудничать, до сих пор принимают активное участие в жизни анархистских или, по крайней мере, контркультурных сообществ. Дэниел МакГован непрерывно участвовал в различных видах организаторской деятельности вплоть до самого ареста; Иксайл и Сэйди всей душой были против общепризнанных норм и стандартов, если и не участвовали непосредственно в политической деятельности – один из свидетелей судебного заседания по их делу описал группу поддержки Сэйди и Иксайла как будто пришедших из другого измерения фанатов черного металла с заплетенными бородами и пирсингом на лице. Снова мы сталкиваемся с необходимостью создания мощных, долгосрочных сообществ с общей культурой сопротивления; многим из тех, кто решил выступить против статус кво, придется начать создание подобного сообщества с нуля, плывя против течения, но это не является невозможным.

Здоровые отношения – основа подобных сообществ, не говоря уже о безопасной организации акций прямого действия. Еще раз: загнанные внутрь конфликты и взаимные претензии, несбалансированная динамика власти, недостаток доверия – все это ахиллесова пята бесчисленного числа групп. ФБР составляет психологические портреты своих мишеней, чтобы использовать их слабости и потенциальные бреши в личных отношениях. Один из старейших приемов – сказать арестованному, что их товарищи уже донесли на них; чтобы успешно пережить подобные попытки запугивания, люди должны иметь неколебимую веру в надежность своих товарищей.

Ситуацию «стукачи ловят ножи» мы не рассматриваем, так как анархисты не могут навязать антистукаческий кодекс поведения средствами насилия. Маловероятно, чтобы добиться подобного было возможно без компрометации наших принципов. В любом случае, когда дело касается принуждения и страха, государство всегда нас переиграет, поэтому не стоит стремиться к состязанию с ним. Вместо этого следует сосредоточиться на демистификации стукачества и создании коллективного доверия, настроений, уменьшающих вероятность появления стукачей. Если человек испытывает радость от того, что он является частью анархистского сообщества, он не захочет стать изгоем, превратившись в стукача. Конечно, чтобы это реально работало, мы должны окончательно и бесповоротно исключать из сообщества всех, кто согласился на сотрудничество с властью. Предавая товарищей ради собственной выгоды, они встают в один ряд с полицейскими, тюремщиками и палачами, которым помогают.

Тем, кто собирается участвовать в акциях прямого действия с группой, сначала следует хорошо узнать друг друга, включая друзей и родственников, обсудить ожидания, потребности и цели. Какую-либо «безопасную» деятельность следует осуществлять только с теми товарищами, которых вы знаете достаточно давно, чтобы твердо знать их негативные черты. Вы должны быть уверены, что сможете разрешить даже самые сложные личные конфликты и будете доверять им в самых стрёмных ситуациях еще в течение лет десяти.

Судя по урокам 1970-х годов, наркомания является еще одним фактором, соотносящимся со стукачеством, поскольку может быть связана с хроническими личными проблемами. В самом деле, Якоб Фергюсон, первый информатор в операции «Встречный огонь», был героинщиком со стажем. Как дела по операции «Встречный огонь» были бы гораздо труднее для правительства, если бы единственным информатором оказался Якоб, так возможна ситуация, что ФБР никогда бы и не

смогло начать расследование по этим делам, если бы другие активисты изначально не доверяли Якобу.

Своевременная поддержка заключенных настолько же важна, как общественная поддержка людей, кому светит предстать перед Большими жюри. Как отметил один из обвиняемых по делам «Зеленой угрозы», обвиняемые соглашаются стать информаторами вскоре после ареста, когда они выбиты произошедшим из колеи и неуверенны в своей будущей судьбе. Условия содержания в следственном изоляторе гораздо более жесткие, нежели в тюрьме; недавно арестованные, возможно, спрашивают себя, смогут ли они справиться с годами тюремного заключения, не имея адекватного представления о самом тюремном заключении. Тем, кто оказывает поддержку заключенным, следует как можно скорее добиваться освобождения арестованных под залог, с тем, чтобы можно было объяснить им ситуацию, таким образом, у них будет время подготовить стратегию защиты. Поэтому идеальным решением является сбор средств на юридическую поддержку задолго до того, как происходят первые аресты.

Никогда нелишне напомнить, что стукачество *всегда* является очень серьезным вопросом, будь то обвиняемый по громкому делу, сдающий своих товарищей, или же знакомый законопослушных активистов, отвечающий на, казалось бы, невинные вопросы. Основная цель правительства в каждом политическом деле – не посадить в тюрьму отдельных людей, но собрать информацию, которая позволит понять структуру радикальных сообществ, чтобы, в конечном счете, репрессировать и контролировать эти сообщества. Первым предложением Питеру Янгу со стороны правительства было вернуться в круги борцов за права животных и стать информатором: сообщать не только о нелегальной деятельности, но вообще о любой деятельности. Даже самый незначительный на первый взгляд элемент может поставить под угрозу жизнь человека, независимо от того, нарушал ли этот человек закон или нет. *Недопустимо сообщать какую-либо информацию о ком-либо без личного разрешения этого человека.*

Перехватываем инициативу

Не следует формулировать наш ответ на репрессии правительства исключительно в терминах реакции. Правительство тратит много ресурсов на операции подобные «Зеленой угрозе», и в ходе этого создает непредвиденные ситуации и обнаруживает новые уязвимости. Как в дзюдо, когда государство делает свой ход, мы можем сделать ответный ход с целью вывести их из положения

равновесия. Приведем в качестве примера недавние массовые мобилизации сил безопасности, с помощью которых власть предрержавим удалось нанести удар по анти-глобалистскому движению. В то же время, вследствие судебных разбирательств, в которых ответчиком выступала полиция, в таких местах как, например, Вашингтон (округ Колумбия), их руки связаны, когда речь заходит о действиях полиции во время массовых манифестаций. Это можно видеть на примере событий протестов против Всемирного Банка и МВФ в октябре 2007 года, когда копы явно действовали с крайней сдержанностью. Мы находимся в затяжной войне с иерархической властью, в войне, которую нельзя выиграть или проиграть в одном бою; всегда стоит вопрос: как наилучшим образом провести бой, захватить инициативу, когда это возможно, как передать плоды наших побед тем, кто будет сражаться после нас.

Должен быть способ обратить наследие «Зеленой угрозы» нам на пользу. Можно начать с попытки воспользоваться им как возможностью изучить применяемые государством методы расследования подпольной деятельности и поделиться этим знанием со следующим поколением активистов. Другой путь – найти общие интересы с другими сообществами, попавшими под удар; недавним примером такой связи является связь между активистами освобождения животных в районе залива Сан-Франциско и группой поддержки «Сан-францисской восьмерки», бывших «Черных Пантер», которых теперь обвиняют в убийстве полицейского в 1971 году.

Постскриптум: трусы...

«Я нахожу ироничным, что вы поддерживаете женщин, подвергающихся унижению, но в то же время сами вербально унижаете тех, с кем не согласны. Интересно, общались ли вы с учеными северо-запада на тему того, как можно быть эффективными и действовать в позитивном ключе. Подобно профессорам, писавшим в суд письма в вашу поддержку, большинство профессоров крайне щедры, когда речь идет об идеях. Я многое поняла за время своей работы судьей... Видела это все... Это называется человеческий опыт. Снимите маски, пока настоящий Дэниел МакГован не будет явлен нам... Будьте тем изменением, которым хотите быть. Не используйте Ганди только тогда, когда это вам удобно. Надеюсь, вы вернетесь на свой веб-сайт и расскажете всем, кем вы были, что делали. Может быть, вы перестанете быть столь популярны, но... поменяйте содержание веб-сайта. Сознаться, отрекитесь, осудите. Если вы искренни, вам не будет сложно. Донесите до молодого поколения весть, что насилие не работает. Если вы хотите изменить что-то, имейте смелость сказать, что жизнь, которой вы жили, была жизнью труса... Это настоящая трагедия – видеть, как необычайно талантливые молодые люди идут и причиняют вред промышленному производству. Это очень плохо – запугивать людей, которые делают свою работу, чтобы выжить. Снимите капюшоны, толстовки, маски и начните настоящий диалог».

– Судья Эйкен, приговаривая Дэниэла МакГована к семи годам тюрьмы по обвинению в терроризме (записано Гамбии Каскадия).

Размышляя над приговором судьи Эйкен, оставим в стороне, хотя бы на время, вопрос о том, действительно ли те, кто получают прибыль от вырубки леса, эксплуатации животных и генной инженерии, «делают это для того, чтобы выжить». Примем также за данность предположение, что те, кто владеет подобными производствами, *более* склонны к «настоящему диалогу» с защитниками окружающей среды, если последние будут прибегать исключительно к легальной деятельности. Не будем также осуждать Эйкен за попытку провести параллели между домашним насилием и саркастически сформулированными коммюнике – прием, которым она пытается поддержать утверждение следователя о том, что ELF, который ни разу не причинил вред ни одному человеку, ничем не лучше, чем Ку Клукс Клан.

Есть только один вопрос, который мы не можем не задать, касаясь риторики судьи Эйкен о трусости: если бы она оказалась в ситуации, требовавшей действий вне установленных рамок закона, оказалась бы она способной на это? Или она продолжала бы настаивать исключительно на законных действиях, призывая других к терпению, в то время как людей продавали в рабство или вагонами грузили в поезда на Дахау? Справедливо ли человеку, чье согласие со статусом кво покупается финансовой стабильностью и социальным положением, обвинять кого-то, кто рискнул всем, чтобы жить по совести... в *трусости*? Возможно, Эйкен чувствует внутреннюю потребность сообщить Джону Брауну¹¹, что он был трусом, или может быть повторить свою тираду тем немцам, которые совершали покушения на Гитлера?

За таким вопросом неотрывно следует еще один: что же еще можно считать ситуацией, требующей действий вне устоявшихся рамок закона, если не экологический кризис? По всей планете исчезают виды, климатические изменения начинают сказываться на людях, ученые дают человечеству очень мало времени для решительных действий – в то время как правительство США и корпоративные кукловоды, которые дергают за ниточки, отказываются принять даже те недостаточные меры, к которым взывают либералы. Если мрачный кошмар, который предсказывают ученые, наконец, наступит, и беженцы будущего обратят свои

¹¹ Джон Браун (1800-1859) – радикальный аболиционист, борец за отмену рабства в США. В Пенсильвании он содержал станцию «Подпольной железной дороги» – тайной системы организации побегов негров-рабов из южных рабовладельческих штатов на Север и в Канаду в период, предшествовавший Гражданской войне. В 1857 году начал собирать отряды, провел съезд своих сторонников в Канаде и планировал освободить рабов путем вооруженной интервенции, которая спровоцировала бы стихийные восстания на местах. Был осужден и казнен через повешение после разгрома организованного им восстания за освобождение рабов в 1859 году в Вирджинии. – прим. пер.

взгляды к этому разговору между МакГован и Эйкен, назовут ли они МакГована трусом?

Как настаивают Эйкен и ей подобные, мы живем в демократическом обществе: обход существующих рамок и нарушение законов подобно атаке на сами понятия «свобода», «сообщество», «диалог». Те же самые аргументы звучали в 1859 году.

Те, кто считает подчинение законам более важным, чем действия в соответствии с совестью, всегда наклеивают на себя ярлык «ответственного», но суть подобного отношения – желание избежать ответственности. Само общество, представленное (пусть и не лучшим образом) своими укоренившимися институтами, ответственно за определение добра и зла; все, что требуется от индивидуума – это бездумно соглашаться, требуя перемен, когда результат соглашения не по вкусу, но никогда не выходя из строя. Это ни что иное, как кредо трусов. На слушании, которое должно было решить, судить ли обвиняемых как террористов, Эйкен с видимым раздражением признала, что она не властна над действиями Управления тюрем по отношению к подсудимым, не зависимо от ее решений, но, тем не менее, предпочла умыть руки и все равно повесила на МакГована и других обвинения в терроризме. Без сомнения, Эйкен чувствует, что недостатки системы ее не касаются, даже если в результате ее действий другие люди сталкиваются с этими недостатками. Она просто делает свою работу.

Это Нюрнбергская защита¹². Независимо от того, что она думает об Управлении тюрем или действиях МакГована, Эйкен несет личную ответственность за то, что отправила человека в тюрьму. Она несет ответственность за разлучение человека с женой, за воспрепятствование его работе по поддержке жертв домашнего насилия. Если МакГована избьют или изнасилуют в тюрьме, это, по сути, то же самое, если бы Эйкен избивала бы или изнасиловала его. И не только МакГована, или Пола, или Сэйди, или Иксайла, это касается *каждого человека*, отправленного Эйкен в тюрьму.

Но Эйкен и подобные ей несут ответственность за много большее, чем это. По мере того, как тают ледяные шапки на полюсах, тропические леса превращаются в дрова, климатические изменения провоцируют все больше катастроф на планете, эти существа несут ответственность за попытки воспрепятствовать всем, кто готов

¹² Нюрнбергская защита – юридическая линия защиты, основанная на утверждении того, что обвиняемый просто исполнял приказы (нем. «Befehl ist Befehl» – закон есть закон) и, таким образом, не может отвечать за свои преступления. Этот метод защиты в суде стал особенно известен на Нюрнбергском процессе 1945-1949 гг. (поэтому и получил такое название), где широко использовался для оправдания нацистских преступников. – прим. пер.

прибегнуть к прямому действию для предотвращения подобных трагедий. То есть, они повинны в навязывании населению планеты Земля всестороннего уничтожения Природы.

Эйкен может апеллировать к так называемой демократической системе, сказать, что это – самая эффективная система для предотвращения упомянутого разрушения. Да уж, действительно, как эффективно система работала до сей поры! Наоборот, кажется более вероятным, что она не способна искренне оценить вероятность большего блага, чем поддержание закона и порядка. Для таких, как она, повиновение закону – большая ценность, чем полярный лед, тропические леса и города, подобные Новому Орлеану. Ради того, чтобы избежать ответственности за свою роль в трагической судьбе Земли, они готовы заплатить любую цену. Вот вам и *трусость*.

...и герои

Итак, если МакГован и другие обвиняемые по делу «Зеленой угрозы», отказавшиеся от сотрудничества с властью, – не трусы, значит ли это, что они – герои?

Нам стоит быть осторожными, чтобы не принять риторику, противоположную риторике Эйкен. Представляя это дело перед правительством, Пайфер описал обвиняемых по делам операции «Встречный огонь»: «почти как в «Миссия невыполнима». Представление обвиняемых в качестве «сверхлюдей» идет на пользу власти предрержащим – чем более сверхъестественными кажутся их деяния, тем более они кажутся запредельными и недостижимыми для других людей.

Аналогично, шумиха вокруг «героев» может быть всего лишь способом выбить подобные позиции из их сторонников, из нас с вами: очевидно, мы не можем быть героями их ранга, не стоит придерживаться подобных стандартов поведения. Прославление деятельности МакГована, Иксайла, Сэйди, Питера Янга и других вредно; выбрав анонимную деятельность, они не собирались достичь славы и почестей, но хотели тихо и без лишнего шума делать то, что считали нужным. Так же следует поступать и всем нам. Они такие же обычные люди, как и любой из нас, – любой нормальный человек, принимающий всю ответственность за свои действия, способен на потрясающие свершения.

Из сказанного не следует, что нам всем стоит стать поджигателями. Существует бесчисленное количество возможностей для тех, кто готов быть

ответственным за свои поступки, и каждый человек должен избрать ту, которая наиболее подходит для его или ее ситуации. Пусть отвага обвиняемых, отказавшихся сотрудничать по делу «Зеленой угрозы», тех, кто решился на действия в соответствии со своими убеждениями, кто отказался предать свои принципы даже под угрозой пожизненного заключения, – пусть эта отвага послужит напоминанием о том, чего могут достичь обычные люди, как мы.